

УДК 130.2

Беляев Дмитрий Анатольевич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии
и социально-политических теорий
Липецкого государственного
педагогического университета
тел.: (904) 693-27-82

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Аннотация:

В статье анализируются содержательные основания ницшеанской идеи сверхчеловека, а также рассматриваются причины ее инвариативного понимания в общекультурном пространстве.

Ключевые слова:

сверхчеловек, Ницше, воля к власти, дионисизм.

Belyaev Dmitriy Anatolyevich

PhD,
Senior Lecturer of the Philosophy
and Social and Political Theories Department,
Lipetsk State
Teachers' Training University
tel.: (904) 693-27-82

TO THE ISSUE OF INTERPRETING THE CONCEPT OF OVERMAN IN F. NIETZSCHE'S PHILOSOPHY

Summary:

The article analyzes the subject-matter of Nietzsche's concept of overman (Übermensch) and considers the reasons for the lack of overall consensus regarding its precise meaning in cultures.

Keywords:

overman, Nietzsche, willpower, Dionysian.

Ницшеанская идея сверхчеловека стала заметным интеллектуальным феноменом культурной жизни Европы и России конца XIX–XX вв., на который отреагировали такие философы, политики, художники и писатели как В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, В. Иванов, Ж. Делез, Л.Д. Троцкий, А. Гитлер, Ф.Т. Маринетти, С. Дали, Б. Шоу, Д. Лондон, А. Белый, М. Горький, А. де Сент-Экзюпери. Однако споры об аутентичном понимании идеи сверхчеловека продолжаются и сегодня.

Наша работа основана на методе компаративного культурфилософского анализа, а также герменевтической реконструкции. Ее целью является, во-первых, выявление сущностных оснований ницшеанской идеи сверхчеловека; во-вторых, прояснение причин, по которым, на наш взгляд, невозможно окончательное аутентичное прочтение идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше.

В 1883 г. в философской притче «Так говорил Заратустра» Ницше впервые употребляет термин «übermensch», который переводится на русский язык как «сверхчеловек». И именно с этого момента идея сверхчеловека входит в широкий философский и общекультурный дискурс, вызывая оживленный отклик и обширную рецепцию.

Сверхчеловек, в понимании Ницше, является целью и результатом нового эволюционного витка развития человеческого вида. Он становится третьей, высшей ступенью в ряду: обезьяна – человек – сверхчеловек [1, т. 2, с. 8–9]. Соответственно важно понять, что собой представляет сверхчеловек, как более совершенный, с точки зрения немецкого мыслителя, человеческий тип.

Ницшеанский сверхчеловек – это, прежде всего, аксиологически новый человек. Ницше практически ничего не говорит о новом физиологическом измерении сверхчеловека, например, физической силе, прочих способностях. Человек идентифицирует свою принадлежность к пространству «сверх» через принятие новых ценностей, новых стратегий жизненного ориентирования, главной из которых является способность к созиданию новых ценностей.

Сверхчеловек, по Ницше, рождается из осознанного упадка прежней культуры и из развенчанных ценностей прошлого человека. Поэтому первичным содержательным основанием сверхчеловека является нигилизм. Сверхчеловек, с одной стороны, рождается из тотального аксиологического нигилизма, с другой стороны, ведет жестокую борьбу с нигилизмом. Это связано с тем, что понятие «нигилизм» у Ницше имеет прямо противоположные семантические коннотации в зависимости от контекста употребления: «нигилизм силы» и «нигилизм слабости». «Нигилизм силы» есть отрицание метафизики, абсолютной морали, религии и всей области идеально потустороннего. Он является обязательным этапом и прологом к достижению сверхчеловеческого состояния. «Нигилизм слабости» есть отрицание посюстороннего мира и возвышение потустороннего/идеального.

Итак, через «нигилизм силы», разбив «старые скрижали», человек расчищает себе среду для рождения сверхчеловека. Ядром метафизики, морали, традиционных ценностей и вообще всего идеального мира Ницше объявляет Бога. А, значит, именно на его критику направлен главный удар положительного ницшеанского нигилизма. Тезис о «смерти Бога» становится цен-

тральной диспозиционной точкой «конца и начала», из которой и становится возможно появление сверхчеловека. Осознание и принятие «смерти Бога» подводит черту под человеком прежней формационной линии. Ницше оставляет человека наедине с посюсторонним миром, лишённого метафизических оснований, ценностей и ориентиров.

Сверхчеловек – это человек мыслящий и действующий после смерти (убийства) Бога, преодолевший в себе «нигилизм слабости». Над ним нет теперь никакой «высшей инстанции» [2, т. 13, с. 135], насколько Бог вообще возможен, сверхчеловек сам становится Богом. Он, полагаясь на себя, распространяет на себя все «атрибуты, которые раньше мы приписывали Богу» [3, т. 13, с. 135], то есть сверхчеловек сам становится творцом мира, в котором он живет, творцом новых высших ценностей. Феномен сверхчеловека приходит в посюстороннее пространство на смену Богу и тем самым привносит в культуру новую систему ценностных координат.

Позитивная программа сущностных черт сверхчеловека у Ницше складывается из динамического раскрытия таких категорий, как дионисизм и воля к власти. Все характеристики сверхчеловеческого состояния, так или иначе, выводятся из различных вариаций и интерпретаций указанных категорий.

Дионисическая тенденция становится обязательным атрибутом сверхчеловеческого состояния. Ф. Юнгер отмечал, что «сверхчеловек – это дионисический человек» [4, с. 65–66]. Однако мы бы не стали так однозначно ставить знак равенства между человеком дионисическим и сверхчеловеком. Внешне дионисическое остается все тем же олицетворением буйства иррациональной опьяняющей энергетики, способствующей возрастанию жизненной активности человека. Однако теперь философ более четко делает акцент на его физиологических основаниях. Дионисическая тенденция теряет тот романтизированный пафос и эстетическую экспрессию, которую она имела в «Рождении трагедии». Теперь в ней начинают преобладать витальные тенденции, открывающие простор для «буйства тела». Поэтому дионисическая тенденция, как существенная часть идеи сверхчеловека, указывает на безусловную посюсторонность феномена сверхчеловека, на его ориентацию и чувственно-физическую витальность бытийствования, которая приходит на смену «негативному нигилизму слабости».

Другой содержательной составляющей ницшеанского концепта сверхчеловека, через которую происходит экспликация его сущностных черт, является понятие «воля к власти». «Воля к власти» как философское понятие в работах Ницше имеет весьма многообразное смысловое толкование. Например, она оказывается тождественна «воле к истине», «воле к равенству», а также может являться добродетелью, «примитивной формой аффекта» и главным «инстинктом свободы».

Итак, из всего многообразия семантических заместителей воли к власти, однозначно можно утверждать, что, в понимании немецкого мыслителя, воля к власти – это стремление (хотение, желание) к силе, мощи, могуществу. И не просто к одномоментному ее достижению, воля динамична, она находится в постоянном движении, которое развивается в векторе возрастания. Сам процесс достижения власти не может быть завершен, воля к власти одновременно является и целью, и перманентным процессом.

Далее, всегда, хотя бы в виде смыслового подтекста, присутствует соотношение воли к власти и жизни. Ницше считал, что сила является главной составляющей жизни, одновременно сила, (мощь) является ядром воли к власти, из чего философ делает вывод: воля к власти является самой жизнью [5, т. 2, с. 250; 381]. Отсюда следует, что стремление к власти перманентно и прямо соотносимо с самой жизнью. Соответственно, воля к власти есть «сущность жизни» [6, т. 2, с. 457], она задает ее смысл и ценность. В этой точке витального пересечения происходит персонафицированное единение в сверхчеловеке воли к власти с дионисической тенденцией.

Непосредственная бытийная экспликация сверхчеловека осуществляется через акт его властного воления. Посредством обладания силой (мощью) человек становится способен перейти за границы Добра и Зла и творить свой ценностный мир, что и возводит его в ранг сверхчеловека. Между тем сверхчеловеческое дискурсивное пространство оказывается ценностно сориентировано на перманентную устремленность и воспроизведение воли к власти. Все, что способствует ее возрастанию и усилению, есть добро, а то, что приводит к ее уменьшению, – зло [7, с. 180].

В современном ницшеведении существует проблема понимания воли к власти. Например, известный отечественный ницшевед Ю.В. Синеокая трактует волю к власти как силу, обращенную, в первую очередь, внутрь самого субъекта воления. То есть сверхчеловек – это человек, «чья воля к власти над собой победила все трудности», став апологией его существования [8, с. 66]. Исследователь явно тяготеет к пониманию сверхчеловека как «волевого интроверта». Одновременно возможно и другое понимание воли к власти: когда экспликация акта воления направлена во вне субъектную сферу, а через его витальную реализацию и происходит становление сверхчеловека.

Соответственно, мы приходим к пониманию того, что ницшеанский сверхчеловек – это человек, произведший радикальную переоценку ценностей, отказавшийся от всех метафизических оснований жизни и ставший, благодаря наличию воли к власти, законодателем новых ценностей. Сверхчеловек предельно индивидуален, являясь уникальной как антропологической, так и аксиологической субъектной единицей. Его акт ценностного созидания, в первую очередь, распространяется на него самого, он творит ценности исключительно для себя, и они не обладают свойствами универсального должествования.

На наш взгляд, предложенная немецким мыслителем концепция сверхчеловека предельно инвариативна, что собственно будет доказано ее рецепцией в XX в. Философия Ницше является семантически открытым герменевтическим текстом, который не предписывает, не задает смыслы, а инициирует их формирование в субъекте. Ницше вбросил в философский и общекультурный дискурс идею сверхчеловека, указав на категорическую необходимость радикального изменения наличествующей человеческой данности, но вектор этой изменчивости им не предзадан.

С определенной долей уверенности можно утверждать лишь то, что ницшеанский сверхчеловек преисполнен витальной и культуросозидательной энергетикой, устремленностью к волевой переоценке ценностей и созиданию новых ценностей. Содержание же этих волевых импульсов и новых ценностных матриц Ницше не дается. Фактически ницшеанский сверхчеловек выступает своеобразным символом аксиологической, культурной и антропологической революции. В сверхчеловеке, безусловно, наличествует революционно-обновленческий призыв, однако артикуляции самой программы революционных преобразований нет. Перефразировав знаменитое высказывание Л.И. Шестова [9, с. 404], можно сказать, что ницшеанская идея сверхчеловека является светом, который в зависимости от точки падения может открывать как красоту мира, так и его безобразие.

Ссылки:

1. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М., 1990.
2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 2005.
3. Там же.
4. Юнгер Ф. Ницше. М., 2001.
5. Ницше Ф. Сочинения в 2 т.
6. Там же.
7. Ницше Ф. Полное собрание сочинений.
8. Синеокая Ю.В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI веков): дис. ... докт. филос. наук. М., 2009.
9. Шестов Л.И. Философия трагедии. М.; Харьков, 2001.

References (transliterated):

1. Nitsche F. Sochineniya v 2 t. M., 1990.
2. Nitsche F. Polnoe sobranie sochineniy: in 13 vols. M., 2005.
3. Ibid.
4. Yunger F. Nitsche. M., 2001.
5. Nitsche F. Sochineniya v 2 t.
6. Ibid.
7. Nitsche F. Polnoe sobranie sochineniy.
8. Sineokaya Y.V. Filosofiya Nitsche i dukhovniy opyt Rossii (konets XIX – nachalo XXI vekov): dis. ... dokt. filos. nauk. M., 2009.
9. Shestov L.I. Filosofiya tragedii. M.; Khar'kov, 2001.